

В шаге от рая -3/ мистический хоррор

Category: Kitapcy, Mistika we fantastika

написано kitapcy | 22 января, 2025

В шаге от рая -3/ мистический хоррор ***

Их любовь была безумна и безгранична. Сотрясая весь дом и перепугав всех жильцов среди бела дня своими любовными играми и оргиями эти два необузданных в безумстве любви Ангела, летая от стены к стене, переломали все в этой квартире. Всю стоящую там мебель. Сбили даже люстру, катаясь по потолку кубарем и по очереди, трахая друг друга.

Миленхирим схватив женское безупречно красивое тело Умбриэля, не выпускал его из своих теперь молодых юношеских рук.

Он исцеловал его все голые до самой задницы в засос девичьи безумной красоты ноги и зубами истязал всю Умбриэля женскую трепыхающуюся в сладостном страстном желании одного лишь секса с любимым грудь. Черное вечернее платье Умбриэля было в дырах от тех его укусов и изорвано в клочья, как и все, что было под ним. Он Умбриэль раздвинув свои те красивые девичьи ноги, обхватил ими Миленхирима за талию. И сев ему на торчащий в спущенных джинсах молодого парня его детородный орган, скакал на нем как всадник на лошади, неустанно и не переставая с ним сношаться, летая от стены к стене, зависая в разгромленной ими квартире в самом воздухе. Они летали так от кухни до спальни, через всю квартиру, сшибая все на своем пути. Эта кошмарная любвеобильная и безумная оргия не имела аналогов, как в среде Небесных Ангелов, так и в среде землян, и казалось, вообще ей края и конца не будет.

Внизу под окнами их квартиры бегали перепуганные

жители этого дома. Они думали, что случилось землетрясение и вызвали спасателей. Здесь же была и милиция, которая боялась, как и жильцы войти в этот трясущийся и осыпающийся целиком по фасаду жилой дом. Они лишь оцепили место возможной катастрофы и не подпускали кроме спасателей и пожарников никого близко к этому полуденному кошмару.

Энергия любви, вырвавшаяся из двух Небесных любовников, слилась воедино и громыхала над самой крышей этого несчастного жилого городского высотного дома. Его стены тряслись как в болезненной лихорадке. У жильцов в доме в их квартирах все попадало, и осыпались во многих квартирах стекла.

Что творилось! Никто не знал. Творилось только с этим одним домом.

Вот уже несколько часов. С одиннадцати утра до часа дня, не прерываясь ни на минуту! Что это было?! Но вскоре все кончилось, как и началось. Резко и быстро. Наступила полная после такого грохота тишина. И тряска похожая на землетрясение остановилась. Но жильцы еще долго не решались войти в свой дом, даже после того как туда нырнул и вынырнул МЧС и пожарники вместе с милицией.

Они, прижавшись плотно, и крепко друг к другу, еще лежали в поломанной постели этой разгромленной в пух и прах квартире. Они лежали там, где и началась эта их любовь, переросшая в настоящий кошмар для жильцов этого дома. Он обнимал его. Ангел Ангела. Оба были раздеты до-нога. И еще целовались лежа в той поломанной и изуродованной до основания их той безудержной одно половой ангельской любовью постели.

— Знаешь, Миленхирим — сказал вдруг ему Умбриэль — Ты единственный для меня, там был на Небесах любовник — он смотрел на Миленхирима влюбленными женскими

очаровательными и гипнотическими глазами – Ты единственный, кто понимал меня и не побоялся нашей любви. Не побоялся перед лицом нашего Отца.

– Да, вот только на Земле оказался я один – вставил Миленхирим – Ты же остался там.

– Да! А кто бы тебя сейчас вытаскивал отсюда! – сказал ему возмущенно, целуя его в любовника, страстные губы Умбриэль – Если бы я, не остался там на небесах.

– Какой ты у меня, продуманный любовник! – восхищенно ему ответил Миленхирим.

– А, то! – и Умбриэль сел в поломанной лежащей на полу спальни постели.

Миленхирим гладил его по девичьей голой красивой спине – Красавец ты мой Умбриэль – он тоже сел и обнял Небесного преданного до безумной и страстной любви друга – Нет, наверное, никого красивей тебя на тех Небесах.

– Я должен уходить – сказал Умбриэль, прижавшись в последний раз к любовнику Миленхириму и обняв его – Господь ждет меня с ответом. И меня ты здесь больше не увидишь.

Миленхирим посмотрел с грустью расставания в глаза полные страсти и любви Умбриэля. Они были тоже наполнены выразительной ангельской грустью.

– Я буду скучать по тебе, Миленхирим – снова ответил Ангел – Не подведи меня, любовник мой. Вернись ко мне на Небо. Найди ту девчонку и путь в мир своего младшего брата. Верни Элоима своего брата Миленхирим. И мы все снова будем вместе любить вечно друг друга. Не подведи меня Миленхирим – сказал Умбриэль – Не подведи нашу любовь. Любовь моя – он снова припал к губам Миленхирима женскими устами.

Он встал с поломанной постели и вихляя женскими голыми на обнаженном теле бедрами подошел к входной двери. Умбриэль повернулся к Миленхириму и сказал – И смотри, если, что не так, то я тебя затрахую до смерти – сказал с угрозой и улыбкой на девичьем лице

Умбриэль Миленхириму.

— Ну, ты же знаешь, милый мой Умбриэль. Что это, не возможно — ответил Миленхирим ему — Мы же бессмертны.

— А я постараюсь — едко и колко съехидничал, смеясь Умбриэль и вспыхнув весь огненным астральным пламенем и светясь искрами, превратился в светящийся яркий с голубоватым отливом переливающейся Небесной ментально-астральной энергией шар. Он какое-то время повисел в дверном проеме входной в квартиру двери и мгновенно исчез, взлетев к потолку растворившись в полумраке разгромленной любовной страстью двух Ангелов квартиры.

— Твою, мать! — сказал Александр Якову — Что теперь будем делать?! Что?! Если все закрутится из-за смерти этой старухи!

— Не знаю, Шурик! — ответил ему Яков — Не знаю! Угораздило же ее умереть, именно у меня дома!

Был уже поздний субботний вечер, часов восемь, и двое приятелей экстрасенсов и эзотериков совещались сидя в своей рабочей штаб квартире и думая как им выкручиваться из этой сложившейся неприятной ситуации.

— Я и сам, чуть не обделался, Шурик — сказал снова Александру Яков — Когда увидел те красные горящие глаза! Ту подлетевшую к нам с этой старухой тень — он продолжил — Она эта, Маргарита Львовна, назвала ее Изигирью. Кто, такая, Изигирь? Но, одно ясно, что я попал в какой-то иной мир, мир, отличающийся от загробного мира и мира мертвецов. Это, какой-то совсем иной мир. Похожий на мир сновидений и, причем, из мира реальных сновидений.

— Ладно — сказал ему Александр — Не ссы. Я пороюсь в учебниках по мистике и эзотерике и поспрашиваю кое-кого и все думаю, узнаем. По крайней мере, про этого Элоима. Где-то я уже слышал это имя.

— Да! Сейчас по ментам затаскают! — возмущено на грани паники, ответил ему Яков — Скажут, уделали вы эту старушку своими опытами с потусторонним! И самое

главное, я так и не понял, кого я видел. И как, снова, попасть в тот странный мир.

По всему было видно, что Якову Могильному как экстрасенсу и медиуму, тот увиденный им мир не давал покоя. Тот увиденный им странный корявый перекособоченный с кривыми стволами жуткий лес.

Он снова захотел его увидеть. И это не проходящее теперь и постоянное желание не покидало Якова Могильного.

Изигирь

Элоим лежал в своем каменном ложе под сводами полуразрушенного церковного готического храма. Он лежал в своем выстроенном им самим мире. Он отдыхал от той любви с молодой совсем еще юной девицей.

Он знал она опять к нему придет, как и та и та, и та, что до нее. Как все, кто был здесь на его каменном в этом месте ложе.

Он в полудреме ощутил приближение еще кого-то. Он открыл свои голубые большие в красивых разрезах век Инкуба глаза.

Она уже стояла рядом с его каменным ложем страсти и любви. Она его Изигирь. Его подруга в этом мире. Вечная его Элоима теперь спутница его жизни, еще с того момента когда он упал с Небес сюда в мир людей. Но смог выстроить этот мир, и она помогла ему в этом. Эта Изигирь. Любовница и демон. Черная ползущая как тень, как извивающаяся черная змея. Она стояла теперь перед его тронем безудержной любовной страсти. Она смотрела, не отрываясь на него прислонившись к одной из высоких опорных колонн призрачного каменного храма, рядом с его ложем и любовалась его красотой Инкуба. Она безумно любила его и считала себя его супругой в этом мире выстроенном ими обоими. Их только мире. И ни чьем больше.

Она черной тенью отошла медленно от колонны и

подплыла в тумане к самому ложу Элоима – Как тебе спалось, любимый мой Элоим? – она спросила его мягким шипящим слегка змеиным голосом – Я, наверное, нарушила твой покой? Прости меня, любимый – и она заползла на его ложе любви и прижалась к груди Элоима. Смотря прямо в его не отрываясь глаза, своими змеиными зрачками черных как уголь глаз, произнесла снова – Или ты, не рад меня сегодня видеть, мой любимый, Элоим? Или я тебе не мила как раньше? Или я плохо тебе станцевала свой змеиный танец любви? Мой красавец, Элоим!

Он смотрел тоже в упор в ее те змеиные гипнотические Суккуба глаза на Изигири заостренным остроносом лице и сказал – Я хочу его еще раз увидеть! Моя, Изигирь!

И Изигирь, ничего ни говоря, сползла с его тела прямо в тот ползущий белый, как молоко вьющийся, как и она сама живой туман. Она исчезла в нем. А он высоко усевшись в своем ложе страсти и любви, стал смотреть туда, где перед ним вновь должна была появиться его Изигирь. В тот стелящийся по полу его храма туман, который стал подыматься с самого пола храма и виться по спирали вокруг собственной оси все выше и выше. Внутри этого тумана стал раздаваться звук похожий на некий звон и шорох и из тумана показались женские тонкие извивающиеся волной в золотых тонких браслетах руки и потом все голое практически тело молодой очень смуглой и очень красивой девицы. Сверкая черными, как уголь очами и тряся обнаженной своей пышной женской грудью. Она эта черноволосая демоница брюнетка с миловидным девичьим лицом с вьющимися парящими кудрявыми и очень длинными, чуть ли не до самой ее крутой задницы волосами. Вьющимися, как целая масса на ее под золоченым обручем венцом голове змей. Звеня золотыми в ушах большими сережками и вся в золоте украшений. Шелестя набедренной белой прозрачной спадающей по ее красивым полным голым ногам до самого пола вуалью, наброшенной на узкие из

золота плавки. Стянутые, туго на ее промежности и волосатом лобке, и на девичьих смуглых крутых бедрах ног, в золотой, набедренный пояс. Это все что на ней было. Она дергая из стороны в сторону голым, полным в овале над срезом узких плавков и того пояса своим девичьим животом, выставляя его вперед своим круглым пупком, и вырисовывая им круги Изигирь, начала свой танец. Танец Суккуба. Танец страсти и любви. Змеиный танец живота перед своим возлюбленным Элоимом. Под удары незримых тамтамов и невидимых в том каменном храме барабанов, она извивалась всем телом перед ним как настоящая молодая гибкая и очень красивая любовница змея, соблазняя его вновь своим тем танцем кружа в густом над полом вьющимся и медленно ползущем тумане.

Как самка, жаждущая продолжения рода, Изигирь танцевала этот танец любви перед Элоимом, и Элоим сходил с ума от ее змеиного танца. Этого танца живота. Танца страсти и любви. Он глядел, вновь наслаждаясь ее гибкими движениями материализовавшегося из черной тени извивающегося в невероятных движениях красивого и смуглого молодого девичьего тела. Это была всегда прелюдия перед их брачным ложем. Их близостью в этом их общем теперь храме любви и безудержных страстей в выстроенном ими обоими общем мире, который Изигирь остервенело охраняла от всех непрошенных гостей, а особенно земных соблазненных Элоимом соперниц. Которые сходили по его красоте с ума, как и сама Изигирь, и стремилась сохранить их с Элоимом любовь любой ценой в этом их общем иллюзорном сказочном мире.

Она бесилась при виде любой соперницы и всячески пыталась ее уничтожить. Изигирь была невероятно жестока и кровожадна, и горе тем, кто попадался ей на пути в этом призрачном черном лесу.

Вот и теперь она нашла на ветке дерева разорванную чью-то ночьнушку. И хотела узнать у Элоима о новой

гостье, но решила повременить с этим, и теперь хотела с ним только близости, извиваясь, в, своем змеином танце живота, приняв облик молодой красивой брюнетки танцовщицы.

Превращаясь, все время в прекрасную восточную танцовщицу, она изводила себя всегда в этом танце страсти и любви почти до бессознательного состояния и Элоиму это нравилось. Он уже представлял в том танце свою Алину. По красоте не уступающую Изигири. Как бы она извивалась сейчас перед ним и их ложем любви, вот так, почти, обнаженной и совращая его Элоима. Но он видел свою, только наскучившую ему Изигирь.

А Изигирь, любвеобильной голой извивающейся в танце сучкой, кружилась вокруг каменного его ложа в пелене вьющегося тумана, развевая мечущимися по сторонам бедрами прозрачную на ее голых женских ногах вуаль. Как рабыня, наложница, какого-нибудь восточного повелителя или господина, шейха или султана, она вырисовывала круги животом и трясла своими полными девичьими голыми грудями перед глазами Элоима. Гремела золотыми на руках браслетами и серьгами в своих ушах. И по-прежнему сверкая угольной чернотой своих хищных, но наполненных теперь неподдельной страстью сексуального экстаза глаз, она стонала как ненормальная, показывая ему Элоиму, свою безудержную и безумную, пылающую плотской непотребной страстью любовь к нему Суккуба.

Она, выгибаясь перед ним в своей гибкой спине, закатывала вверх в том экстазе демонической самки, те свои, из-под надетого на ее девичью голову золотого венца, в косом изгибе тонких черных бровей под верхние веки черные в длинных ресницах молящие о любви глаза. Открыв свой Суккуба сладострастный хищный в зубном оскале непотребной страсти рот. В том танцевальном сексуальном трансе на запрокинутой подбородком к нему девичьей голове, раскачивала перед взором восторженного Элоима своей той полной, упругой с торчащими

возбужденными сосками обнаженной запрокинутой кверху грудью. И, раскачиваясь из стороны в сторону сама, свесив до самого пола храма длинные черные кудрями вьющихся змей девичьи волосы и дергая во все стороны голым своим животом, перед ним и, почти, припадая к полу храма, протягивала к любимому извивающиеся, как две змеи сверкая золотом браслетов танцовщицы и любовницы руки. Она хотела снова его любви, именно здесь, и именно сейчас.

Она все ближе и ближе подбиралась как хищница к сидящему на ложе любви своему Элоиму. И в последнем движении своего подошедшего к завершению танца, она, сбросив с себя золото узких плавов с прозрачной вуалью и пояс в стелящийся по полу туман, уронив Элоима на спину в ложе любви, придавила его своей полной сладострастно дышащей и пышущей жаром безудержной страсти обнаженной любовницы грудью. Обжигая всего его своим жарким кипящим дыханием и сверкая дикими черными очами. Пожирая ими его всего, она, выгнувшись в узкой гибкой талии, прижалась неистово своими крутыми раздвинутыми вширь бедрами и женским голым волосатым лобком с возбужденным в вечной точке влагалищем к его в таком же волосатом лобке торчащему от возбуждения большому с задранной плотью детородному растревоженному ее дивным танцем члену. Воткнув его себе в раскрывшуюся вширь бездонной глубокой пропастью плотского греха и порочного разврата в волосаном покрове промежность. Промеж раздвинутых по сторонам в неудержимом желании соития женских в чешуе украшенных черными когтями ног. Схватив тонкими длинными девичьими перстами плечи Элоима, она придавила его своими в золоте тонких браслетов в змеиной до локтей чешуе руками демоницы любовницы к изголовью каменного ложа. И впиалась своими ядовитыми змеиными уже Суккуба губами, как пиявка в губы своего демона любовника. Ее лицо, как и лицо любовника, словно маска мгновенно поменялось, и появился длинный у обоих, сзади голых задницы ягодич

змееподобный длинный хвост, а на спине расправились перепончатые пятнистые как у летучей мыши крылья.

Черный лес содрогнулся от стонов и звериного дикого крика обоих слившихся воедино, как одно целое в любовном экстазе кошмарных существ. Наполненный оргией любовной страсти и дикого звериного безумия.

Миленхирим навсегда покинул свою старую квартиру, где он жил до смены тела. Он оттуда ушел практически сразу после исчезновения Умбриэля, бросив все, что там от него в этой земной предыдущей жизни осталось вместе с обколоченными и изодранными в их страстной любви с Умбриэлем стенами, порванными шторами и переломанной всей в квартире мебелью.

Было уже семь вечера и ему надо было ближе подобраться к этой самой Алине.

Умбриэль сказал ему, что только через нее можно попасть в мир его брата Элоима. Откуда он это знал, даже сам Миленхирим был не в курсе. Умбриэль много чего знал, более чем все Ангелы из его племени. У него был такой дар особого предвидения. Этот дар был куда более развит, чем у всех Небесных Ангелов Рая. Дар от их общего Бога Отца.

Вот за это, еще и ценил его сам Миленхирим. Не только за неудержимую к нему Миленхириму страстную безумную любовь. А за то, что Умбриэль, много чего знал. И мог о многом ему самому Миленхириму поведать.

Но, вполне возможно, что может сам Отец ему передал эту новость.

Теперь это уже было не важно. Зато было важно то, что надо было как можно ближе подобраться к этой Алине и суметь с ней проникнуть в мир его брата Элоима. Это был единственный путь к нему, и не было другого пути как этот.

Миленхирим проехал на вечерних автобусах половину

города, чтобы оказаться там, где ему было нужно. Он потерял много времени на этих перекладных в дорожных пробках и оказался у нужного места часов в девять. Он занялся поисками этой самой Алины, когда чуть у ее дома не столкнулся с ее подружкой Ленкой.

– Приветик! – громко прокричала ему Ленка – Че, к Алинке, идешь?! А ее пока, нету дома!

– А, где она? – спросил Миленхирим Вадик, смотря как перед ним, строя глазки выламывается молодая, но перспективная к близким отношениям и уж слишком шустрая девчонка.

– На дачу укатила с родоками – ответила, не меняя своего шумного голосового тона, Ленка и тут же спросила – А ты че, сам то, сегодня делаешь?! Может, в киношку сходим!

Он, словно не слыша ее, подумал – «Вот незадача!».

– А, надолго, она уехала? – спросил ее Миленхирим Вадик.

– До завтрашнего утра как минимум! – прокричала Ленка – Ну, так че, в кино идем?!

– Ты, видимо, подружка Алины? – спросил Ангел.

Та, сделав странные, удивленные глаза посмотрела на Миленхирима Вадика – Ну, Да! А, че, ты не помнишь? «Хромая лошадь». Танцы!

– Нет, не помню – сказал Ангел, чтобы отшить, по быстрее эту дурную и назойливую подружку Алины.

– Ну и дурак! – крикнула Ленка и, отвернувшись и обидевшись, быстро пошла от Миленхирима Вадика прочь по дороге от Алининого дома.

– «Прекрасно. Надо и дальше, так делать» – подумал Миленхирим, если что. Чтобы кто-либо ненужный не путался под ногами.

Миленхирим вошел в подъезд дома. Он по памяти Вадика поднялся на лифте до нужной в доме этажной коридорной площадке, на которой было несколько квартир. Здесь была квартира Алины. Миленхирим подошел к ее квартире, как было в памяти этого ее еще малознакомого парня. Он

проводил ее до этой двери. Тут они целовались и все. Потом Миленхирим захватил тело Вадика и вот он стоит теперь в его теле у двери квартиры Алины.

Он почувствовал присутствие своего родного Небесного брата близнеца у Алининой двери. Миленхирим дотронулся до двери рукой, и замок открылся, скрипя и щелкая механизмами внутри. Миленхирим вошел в квартиру Алины и ее родителей. Он осторожно паря над полом пролетел с порога до самого зала, и, опустившись на пол, он, уже шагая ногами по нему, обошел всю квартиру от кухни до спальни родителей и спальни самой Алины. Именно спальня Алины, и он остался здесь на какое-то время, чувствуя присутствие здесь знакомой силы. Родственной силы и энергии. Это была энергия Ангела. Очень, много, переполняющей до краев каждый уголок и пределы спальни ментально-астральной энергии. Комната Алины была перенасыщена этой энергией. Только Ангел мог почувствовать это и ни кто другой. Только он Миленхирим или другой Ангел мог это почувствовать. Миленхирим понял, что тут уже что-то происходило. Но дорога была закрыта в тот мир, откуда была эта энергия, и только через Алину можно было туда попасть. Прав был Умбриэль, когда направлял его сюда к порогу своего родного брата. На входе в мир Элоима лежала печать, замок от двери в этот мир и попасть не мог даже туда Ангел. Нужен был ключ, и этот ключ был в самой Алине.

Миленхирим решил покинуть квартиру и подождать встречи с Алиной. Но не таким способом прямо здесь в ее квартире родителей.

Миленхирим вышел и закрыл снова прикосновением руки замок на двери и снова вошел в лифт дома. Он спустился вниз и покинул дом. Было нечего здесь делать как минимум до утра. И он вернулся в дом Вадика.

Его встретила мать Вадика думая, что это ее сын и посадила за стол. Было уже восемь вечера и надо было уже быть дома. Ему понравилось быть молодым и со

своей семьей. Сколько сотен лет он не помышлял на земле о семье.

Один раз он, было, завел жену и даже детей, но они уже умерли давно, как и его, то состарившееся одно из первых земное человеческое тело. И после этого Миленхирим больше не стал заводить семью. Больно терять близких людей и особенно детей уже старыми. Особенно когда ты уже в другом теле, а твой сын или, к примеру, дочь стали стариком или старухой. И ты знаешь, что вот они, а подойти к ним уже переселившись в другое тело, более молодое, чем они, и сказать, что ты был их ранее отцом нельзя.

Это страшно даже для Ангела. И неприемлемо духовно.

И Миленхирим больше не стал никого заводить, а так и жил все эти земные века один лишь меняя периодически состарившееся или пораженное смертельной болезнью тело. Как и в этот раз, но несколько иначе, поработив душу на время этого молодого парня. Он лишь решил для срочного дела попользоваться его совсем еще юным телом и потом вернуть все в свое русло. Это нужно было из-за подхода к Алине. Этот парень вернее его тело один из лучших, по мнению Миленхирима вариантов. Он стал близким знакомым Алины и теперь была возможность вполне легально завязать ему самому с молодой девицей школьницей прямой дружественный контакт и проникнуть через ее сновидения в мир родного своего брата Элоима. Ему просто надо было дождаться приезда Алины и все, а контакты заводить, как и все его братья Ангелы он умеет.

Миленхирим поужинал с приемной теперь ему мамой. И, поцеловав ее сыновними любящими губами в щеку, лег спать, беседуя мысленно с Вадиком за земную жизнь. Давая ему напутствия про любовь к отцу и матери и про то, что он должен будет поступить в институт после окончания школы, после всего разговора наказав ему, позаботится об Алине, как самый теперь ей близкий друг. После того как он вернет ему назад его молодое

полное живой еще энергии тело.

Было уже десять часов вечера. Александру удалось накопать кое-какой информации по Элоиму. Как он и обещал своему другу медиуму и экстрасенсу Якову Могильному.

Он пообщался со сведущими по данной теме знакомыми. Только, знакомыми ему одному людьми, по его личным связям и посмотрел у них соответствующие документы и старинную редкую весьма мистическую и эзотерическую литературу. Он еще потренировался в своем спортзале. Поотжимал штангу и гантели. Сделав несколько подходов и становой жим на сто киллограмм. И теперь возвращался назад уже поздно вечером часов. Он был крепким мужчиной и никого не боялся и мог за себя, если, что постоять. Александрии ехал на втором рейсовом городском автобусе. И где-то, уже в одиннадцать и недалеко от конечной точки маршрута автобуса попал в аварию.

В автобус влетела иномарка на светофоре, и пришлось оказывать пострадавшим медицинскую помощь.

Как ни как, а проходить мимо чужой трагедии Александра не учили. И в армии и на гражданке. Он помогал, как мог, медикам с пострадавшими, высаживая их из поврежденного автобуса. Потом уже он шел по темноте в направлении их с Яковым штаб квартиры и попал на пожар.

— «Все к одному!» — возмутился Александр — «Одна беда никогда не приходит!». Горела «Хромая лошадь».

Это было просто провидение какое-то. Как специально. И именно на его пути.

Имея отличную физическую подготовку еще с армии и будучи в состоянии профессионального атлета, Александр побежал туда, видя, что там твориться. Он полагал, что если, что, то возможно им

обоим это зачтется при расследовании их того трагичного, несчастного случая. Случая, с той умершей у них при опытах с потусторонним старушкой. Александру необходимо было засветиться. Особенно в глазах пожарных и милиции. Это было архи важно и для Якова. Может его такая жертвенная помощь будет даже, кстати, и все ту трагедию забудут. И их с Яковым не будут в дальнейшем, если, что таскать по органам и жизнь снова наладится и войдет обратно в нужную колею. Он и так уже живя в другом еще со своей семьей натерпелся всякого и в том числе когда были проблемы с сыном потаскался по соответствующим органам. Ему этого больше не хотелось. Он и от той семьи, порвав все связи, из-за этого тоже уехал. Он не хотел больше с милицией иметь дело. Александр лишь хотел мирно жить и заниматься тем, что ему хотелось. И Александр уже был в скором времени там, на пожаре и помогал пострадавшим, вытаскивая их из огня, путаясь под ногами пожарников, милиции и скорой. Может все и сложилось бы так, как он рассчитывал, если бы сам не стал жертвой трагедии.

Александр получил отравление угарным газом и довольно сильные ожоги, когда вытаскивал двух школьниц девчонок, которые тоже надышались едкого химического дыма от горящего пластика и древесины с другой стороны от главного входа в тот бар. Они лезли через узкое окно и одна из них застряла. И он самоотверженно не жалея себя сумел вызволить погибающую от дыма пленницу на чистый воздух, а сам наглотался этого дыма. И выбираясь с ними как можно дальше от горящего здания, хватался уже, ничего не соображая и теряя сознание за горящие упавшие от огня конструкции и обжог сильно свои руки. Как результат он теперь уже лежал на больничной койке в больнице с перебинтованными от ожогов руками. И не пришел туда, куда должен был прийти этой ночью. Вдобавок еще он на пожаре потерял свой сотовый телефон и не смог дозвониться до Якова и сказать ему, что случилось. К тому же он спохватился еще не сразу, а

как только пришел в сознание. С больной головой он сел на постель и тут же упал на подушки. Его сильно затошнило и вырвало прямо на больничный пол возле кровати. Он был в плачевном состоянии и не мог ничего делать от боли в руках и потом, после дозы сильного обезболивающего он крепко заснул и отключился на всю ночь. Ночь с субботы на воскресенье предстоящего для него и его друга Якова рокового в их работе с потусторонним финала.

Кошмарная тень призрачного леса

Алина, приехав уже, почти ночью в субботу в двенадцатом часу с дачи, она быстро поужинала с родителями легла спать.

Она была цела и здорова, как говорил Элоим. У нее все быстро зажило и ничего уже не болело. Было это даже очень странно, но это был факт. Наверное, это сделал он, чтобы Алина быстро поправилась, и они снова могли любить друг друга. Главное прошла вся усталость, на свежем дачном воздухе. И Алина была вполне снова здорова, как и раньше. Ей снова захотелось неудержимо увидеть своего любимого Элоима. Она не могла дождаться новой с ним любовной близкой встречи.

И вот она снова была в его лесу. Она снова спала и видела этот дивный реалистичный и осязаемый свой сон. Алина шла по этому, снова чудному корявому и сказочному лесу. Странно, но она, ничего в этот раз не боялась. Ни деревьев, ни их задевающих ее странных кривых вывернутых веток. Ни этого ползущего по ее голым ступням низкого живого белого как молоко тумана.

Она тогда даже не понимала, как вернулась назад. Может ее отнес назад на ее постель он ее любимый Элоим. А может она была в своем счастливом любовном беспмятстве и сама добрела как-то до своей постели, где и поутру и проснулась. А может просто проснулась и все, и сон весь и этот странный лес с туманом

исчез.

Она вдруг почувствовала за спиной еще кого-то. Кто-то пристально за ней следил, и практически не отрывался. Этот кто-то был не он, не ее любимый красавец этого сказочного леса Элоим. Это кто-то был другой.

Алина ускорила шаг в том направлении, откуда слышался голос ее любимого. Он ее снова звал к себе, и она спешила на его призыв. Она знала, как ни странно ту дорогу еще с первого раза, хотя и часть ее не совсем помнила. К тому же она шла по его голосу, летящему мимо корявых кривых черных деревьев ей на встречу.

Как вдруг перед ней возникла женская на ее пути среди деревьев тень.

— Не это, ищешь?! — шипящим голосом эта тень сказала, показывая Алине порванную ее и брошенную ей в лицо ночнушку. Ночнушка упала к ее ногам в стелящийся белый туман. Алина затрясло сразу от холода и страха. Она действительно почувствовала ледяной холод, до этого который совсем не чувствовала.

— Что, молчишь?! — крикнула ей стоящая перед Алиной тень — Разлучница! Не ты первая ни ты последняя, но я вас всех убью в этом лесу! Ты не получишь, моего Элоима! — тень сверкая горящими черными как уголь глазами, на остроносом выделившимся на фоне черной тени женском лице и пошла медленно навстречу Алине.

— Хочешь тоже ему танцевать танец живота! Ты хочешь ему танцевать, мой танец любви, мерзкая земная сучка! — снова крикнула ей женская

тень и Алина увидела ее лицо, выделившееся из тени там, где была голова и вьющиеся как змеи во все стороны черные очень длинные волосы. Лицо красивой, молодой женщины, но, наполненное неземной дикой остервенелой хищной злобой, жаждущей сейчас только мщения, острое, с острым прямым носом как у Элоима. Алина увидела, как то лицо раскрыло свой женский с узкими губами рот и показало конические длинные и

очень острые зубы. Зубы похожие на зубы вампира. Тень заревела на весь лес, и бросилось на Алину.

Сама не своя от охватившего ее Алину жуткого ледяного страха, она кинулась, чуть не крича со своего девичьего перепугу, бежать обратно на память по лесу Элоима.

Обдираясь об острые ветки и разрывая на себе еще одну ночьнушку, Алина летела как угорелая, спасаясь от своей соперницы. Та, извиваясь черной тенью, нагоняла ее и преследовала, стелясь по поверхности белого тумана.

Алина закричала от жуткой боли. Это Изигирь ударила ее своей когтистой рукой Суккуба прямо по ее девичьей бегущей ноге, подсекая ее. Она упала на бегу и Изигирь набросилась на нее.

– Сейчас я тебя убью сучка! – проревела Изигирь, облизывая ее своим длинным тени змеиным раздвоенным языком – Ты не увидишь своего родного земного мира! Я тебя убью также, как убивала всех до тебя! Как убила даже ту старуху, которой удалось унести от меня однажды ноги, и которой Элоим запретил входить в наш с ним лес!

Алина закричала во весь голос, вырываясь из цепких когтистых рук Изигири – Элоим! Элоим, помоги! – закричала она в панике.

И в тот же миг тень была отброшена с силой в сторону прямо на корявое стоящее рядом черное дерево. Она ударилась об него, обвив кольцами в несколько раз, толстый ствол и сползла в белый туман.

Элоим поднял на руки свою молодую новую невесту. Невесту своего темного туманного леса. Он понес ее вперед по направлению, куда Алина только, что бежала от Изигири. В сторону стоящей посреди этого леса ее постели.

– Изменник! – прокричала Изигирь из белого стелющегося тумана – Изменник, и предатель! Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя за все твои измены! – она кричала на весь черный лес – И за эти же все измены я тебя

люблю, мой неверный, Божий Ангел, падший ко мне под ноги! – она поднялась из тумана вьющимся черным силуэтом позади идущего впереди нее Элоима – Я похитила тебя из твоего Рая! И ты будешь всегда моим! Слышишь, Элоим! Всегда моим! И тебя у меня не отнимет никто! Даже, если, ты сам этого захочешь! – Изигирь сходила с ума от бешенства и невозможности хоть как-то отомстить своей сопернице – Элоим, я тебя ненавижу и безумно люблю! Я полюбила тебя за твою неземную Небесную красоту сын Бога! – тень преследовала Элоима со своей ношей. Кровь текла с ноги Алины и капала в белый лесной ползущий по пологую леса туман. Она в жутком страхе, трясась вся от охватившего ее дикого ужаса, прижалась к его широкой Инкуба груди. К его любовника рукам, рукам, недавно ласкавшим ее на каменном том ложе в его Храме Любви. В том храме ее Элоима.

– Элоим, одумайся! – кричала обезумевшая от боли измены и любви извивающаяся по белому туману змеиная черная тень – Ни кто тебя, так как я не будет любить! Я твоя верная Изигирь! Я ради твоей ко мне любви уничтожу все, что ты только захочешь! Я подыму весь подземный Ад! Все ради тебя мой ненаглядный Элоим! Я отдамся даже, Люциферу или Сатане, если мне прикажешь, но только люби меня мой, Элоим!

Элоим в ответ на ее просьбы и проклятия молчал. Он нес Алину на руках и молчал. Подняв высоко в развивающихся длинных русых, из-под золотой, в острых шипах короны, волосах голову. Он глядел, вперед, светясь весь изнутри голубоватым странным живым светом, и нес Алину к ее стоящей среди деревьев его мира постели. Он как сказочный лесной Эльф, нес Алину к выходу из своего мира.

– Я все равно ее убью, Элоим! – кричала ползущая вдогонку им извивающаяся злобная черная тень – Я убью ее даже там, где ты ей не сможешь помочь! Слышишь, Элоим! Все равно убью! Постылый, мой, неверный любовник! Убью ради нашей с тобой вечной любви!

Алина проснулась на своей снова постели и буквально слетела с нее и забилась в угол своей спальни. В самый темный угол. Она увидела, как с ее поцарапанной ноги сочиться на пол спальни кровь. Ее кровь.

Алина схватилась за рот в ужасе, чтобы еще раз не закричать, только уже не в том сне, а теперь в своей спальне, чтобы своим криком в ночи не перепугать весь дом.

Было на часах три часа ночи. С улицы в ее спаленную комнату падал со светящегося фонарного столба яркий электрический свет.

Алина протянула осторожно в полумраке ночной комнаты руку в сторону стоящего недалеко стула и схватила там на его спинке свой широкий нагрудный платок. Он там все время у нее висел без дела, и вот пригодился, наконец. Она повязала его на свою на ноге рваную когтями этой лесной чудовищной мигеры глубокую рану. Было больно. Очень больно, но она это сделала плача от пережитых этой ночью страданий.

Алина поднялась осторожно с пола и вышла осторожно, чтобы никто не услышал ее из родных. Она, осторожно хромая и держась за стенки комнаты, пробралась в ванную родительской квартиры. Надо было что-то сделать с этой раной. Вдруг там уже инфекция, а в ванной есть аптечка.

Алину всю еще трясло, и было по-прежнему страшно в тишине своей квартиры и в полумраке ночи. Она на трясущихся и подгибающихся от пережитого ужаса еще ногах все же проникла в ванну и включила там свет.

Это была ужасная рваная рана на бедре ноги! Рана от когтей того лесного ужаса! Она полосонула ими по ноге Алины, и она тогда там упала. Если бы не ее любимый Элоим то она, наверное, действительно убила бы Алину. Она не шутила. Эти угрозы вослед и эта брошенная ей Алине в лицо ее порванная потерянная первая ночьнушка. – «Господи!» – подумала в панике она – «Что же меня дальше ждет?! Кто эта жуткая лесная там тварь?!». Алина

раньше не видела ее.

Она караулила ее Алину на той дороге к ее Элоиму и будет теперь караулить все время. Она назвала Алину разлучницей, а ее Элоима предателем и изменником. – «Кто она была, эта ее кошмарная соперница? Кто она желающая ее смерти?! Любовница Элоима?! Это чудовище?! Кто она, эта тварь?! Его любовница?! Жена?! Кто?! И, что теперь ей Алине делать?!» – бинтуя свою красивую девичью ногу, думала теперь Алина. – «Завтра понедельник. Завтра в школу, а нога сильно болит!».

Алина боялась теперь выйти из туалета в темноту и полумрак квартиры. Ей было по-прежнему страшно и казалось, что этот лесной ужас ее уже караулит за дверью. Она дала тогда ей понять что не оставит ее в покое и достанет даже здесь!

Еще Алина думала, что мама и отец заметят, как она хромает от боли. Но больше всего Алина, теперь боялась разоблачения. Своего девичьего разоблачения. Того что она была теперь не девственница. Ранее ее как-то это не волновало, но вот теперь она призадумалась, как теперь ей быть если, что.

Она не знала, как объяснить, кому-нибудь свои ночные реалистические сны, если придется. Она и раньше скрывала эту тайну ото всех, а теперь ей просто не поверят и все! Кто ей поверит в это! Как скрыть свой контакт с Элоимом, если уже не девочка?! Кто поверит, что это сделал не кто-то из знакомых парней Алины, а он ее Ангел любви Элоим. Как объяснить, именно это своей маме.

Алина вдруг вспомнила о Вадике. Как-то вдруг и неожиданно.

Эта мысль пришла ей в голову как-то внезапно, словно кто-то подсказал. Она должна была отыскать быстрее своего нового знакомого Вадика. И еще она почему-то подумала об экстрасенсе и о том, что только с ним можно было быть более откровенной в рассказах о том, что она видит в своих реалистичных снах. И никто из

них ее Алину не посчитает чокнутой, или фантазершей. Особенно медиумы и те, кто контактирует с духами. И Алина уже думала об одном из них. Она вспомнила рекламу на телевизоре и видела афиши сеансов некоего Якова Могильного. Она выбрала именно, почему-то его и, решила узнать попутно, к нему следуя, его адрес студии и телефон. Прямо с уличной афиши. Теперь Алине это было архи необходимо. Она просто не знала, что теперь делать и как быть. Наверное, только этот медиум и экстрасенс ее поймет и поможет хоть как-то ее возникшей такой вот проблеме.

Она решила списать телефон с уличной афиши. – «Завтра. Да завтра» – решила Алина. Она решила не пойти в школу, а пойти в ту студию этого Якова Могильного и все рассказать как есть. Она думала, что он ей поможет хоть в чем-то. Может, поможет выяснить кто эта лесная бестия Изигирь, как она себя один раз назвала, преследуя ее и Элоима.

Она еще решила больше узнать о своем любовнике Элоиме. Только сейчас она Алина задумалась об этом. Кто он сам. Откуда взялся в том лесу и почему он выбрал ее как свою любовницу. Она по-прежнему любила его до безумия, но надо было узнать о нем больше, чем она знала. А помочь в этом мог только экстрасенс и медиум, кем и являлся Яков Могильный. Mistika we fantastika